Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 35, Is. 1, pp. 113–120, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-113-120
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 398.2+294.3

History of Buddhism's Dissemination in Tuvan Folklore: Legends and Oral Narratives

Antonina S. Dongak¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Mongol Studies, Tuvan Institute for Humanities Research and Applied Socio-Economic Studies (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: tigpi.tuva@mail.ru; antdon@mail.ru

Abstract. The article considers legends and oral narratives reflecting the history of Buddhism's dissemination in Mongolia and Tuva. Our analysis of *Sharayin Shazhynnyn Dopchu Töögüzü* (*A Brief History of the Yellow Religion — Buddhism*) — a text from the Scientific Archive of the Tuvan Institute for Humanities Research and Applied Socio-Economic Studies — shows that its plot contains some common elements and motifs typical for manuscripts, and – it terms of its contents, structure and formal external characteristics – vaguely resembles Tibetan-Mongolian historiographic works (*choi-zhun*) by medieval educated Mongolian monks describing the history of Buddhism's emergence and dissemination in India, Tibet, China and Mongolia. The text might deal with an important historical event — construction of Mongolia's first Buddhist temple, i.e. the Erdene Zuu Monastery erected under the auspices of Abatai Khan; the text also mentions a senior clergyman and politician of 17th century Mongolia — Bogd Öndör Gegeen, the abbot of Ikh Khuree, who was the first to receive the title of Jebtsundamba Khutuktu from the 5th Dalai Lama of Tibet in 1650. The paper provides other examples and shows that such oral narratives of Tuvinsians often contained somewhat transformed Buddhist plots which had largely lost their historical significance due to multiple changes resulting in the fact those no longer resembled their literary originals (if there had been any). At the same time, along with magic and fairy-tale elements, one can definitely trace features of some historical events in such compositions. The study concludes that Tuvan legends and oral narratives reflecting the history of Buddhism's dissemination in Mongolia and Tuva are based on a number of genres of medieval historiographic Tibetan-Mongolian literature, such as *choi-zhun* (history of Buddhism), *lor-zhus* (chronicles, history), *nam-tar* (biographies), etc. Thus, multiple texts compiled by medieval academic Mongolian lamas had become widespread in Tuva in the form of legends and oral traditions.

Keywords: Tuvan folklore, legends, narratives, history of Buddhism, medieval historiographic Mongolian literature, genres, *choi-zhun* (history of Buddhism), *lor-zhus* (chronicles, history), *nam-tar* (biographies), Mongolian folklore, parallels, similar plots and motifs

Как известно, еще в XIII в. Хубилай-хан (годы правления — 1260–1294), правитель монгольской империи Юань (1260–1368), объявил буддизм государственной религией своей империи, установив политическую и духовную связь с Тибетом, основанную на принципе *хоёр ёс* — союзе ханской власти и церкви [История Монгольской... 1983: 189–190]. Во главе буддийской церкви был поставлен Пагва-лама, носивший титул «царя веры в трех странах» — Тибете, Монголии и Китае, однако длившиеся в течение почти двух столетий междоусобные раздоры и борьба за престол между группировками монгольских князей не могли обеспечить укрепление буддизма среди народных масс Монголии, придерживавшихся воззрений шаманизма [История Монгольской... 1983: 150–155]. В то же время правящая элита нуждалась в идеологических ориентирах для усиления и укрепления своей власти, и удельные князья вновь начали активно налаживать связи с Тибетом и его высшими религиозными деятелями. Таким образом, широкое внедрение буддизма в Монголии началось с конца XVI в. и, в дальнейшем, в XVI–XVIII вв. стали кульминационным периодом распространения учения представителей Гэлугпа в Монголии, ознаменовавшимся возрождением духовной культуры, расцветом письменности и науки в тесной связи с тибетской культурой.

В то же время началась большая работа по переводу канонических трактатов с тибетского языка. Переводческая деятельность монгольских литераторов — в большей части лам, получивших образование в монастырях Тибета и обладавших обширными знаниями в области буддийской философии, истории и литературы, — способствовала появлению и укреплению собственной литературы и научной мысли. Таких ученых-полиглотов, историков-летописцев, литераторов и переводчиков в средневековой Монголии насчитывалось сотни. Как подчеркивает академик Ш. Бира, «их труды имеют первостепенное значение для оценки знаний и вклада монголов в различные отрасли буддизма и другие дисциплины» [Бира 2001: 409]. Поскольку монгольская тибетоязычная литература создавалась под сильным влиянием тибетской историографической традиции и писалась в основном представителями церкви, история Монголии, Тибета, Китая и других стран рассматривалась авторами, прежде всего,

как история распространения буддизма в этих странах. Наиболее известными сочинениями тибетоязычной литературы монголов являются «Ясное зеркало» Зая-Пандита Лувсанпрэнлэя Халхаского (годы жизни — 1642–1715), «Чойн-чжун» и «История Кук-нура» Сумба-Хамба Ишбалжира (1704–1788), «Жан-наг-чойн-чжун» («История буддизма в Китае») Гуна Гомбожава (XVIII в.), «Житие Цзонхавы» Чахар Гэвш Лувсанцулжима (1740–1810) и многие другие [Бира 2001: 409].

Как отмечает М. В. Монгуш, «археологические и письменные источники свидетельствуют, что политика, проводимая монгольскими ханами во главе с Хубилаем, в конечном счете внедрила буддизм в среду захваченных ими тюркоязычных племен. Чтобы закрепиться на захваченных территориях, нейтрализовать сопротивление местных племен и создать базу для снабжения монгольской армии оружием и продовольствием, монгольские феодалы довольно успешно проводили политику колонизации покоренного населения, создавая военно-пахотные поселения, в которых трудились в основном плененные жители» [Монгуш 2001: 24]. Богатство природно-сырьевых ресурсов Тувы и наличие мастеровых людей позволило монголам создать здесь ремесленно-хлебопашеские поселения для пленных из Северного Китая» [Монгуш 2001: 25]. Сохранившийся же до настоящего времени тувинско-монгольский билингвизм жителей Юго-Восточной Тувы, религиозная шаманистско-буддийская общность и известная схожесть материальной и духовной культуры являются естественным результатом общей судьбы тюркоязычных тувинцев с монгольскими народами, пережитой через драматические и трагические перипетии древней и средневековой истории. Исторические взаимоотношения тувинцев и монголов продолжались и «после распада монгольской империи, в период Алтын-ханского и Джунгарского (Ойратского) ханств (конец XV — первая половина XVIII в.). Кроме того, с середины XVIII в. до начала XX в. Тува вместе с Монголией находилась под властью Цинской империи. В названный период этнокультурные связи с монголами обуславливались как мирными взаимоотношениями, так и общей борьбой против иноземных завоевателей и местных поработителей» [Маннай-оол 2004: 85]. Кочевья тувинских родо-племенных групп в

период расцвета и распада государств Алтын-Ханов и Джунгарии (XVI – первая половина XVIII в.) «в XVII и первой половине XVIII в. охватывали огромную территорию, включавшую в себя целый ряд горных систем и хребтов: Русский и Монгольский Алтай, Западный и Восточный Саян, Танну-Ола и др. На севере районы кочевий тувинцев достигали бассейна Верхней Оби и Минусинской котловины, а на юге они простирались через Монгольский Алтай до верховьев Урунгу, Черного Иртыша, на востоке доходили до оз. Хубсугул, а на западе через Алтай достигали Иртыша» [История Тувы 2014: 191].

В связи с активным распространением буддизма в конце XVIII – начале XIX вв. наряду с религиозной литературой в Туву начали проникать и многие произведения монгольской светской литературы, в том числе и повествовательные сборники в жанре «*обрамленной повести*», которые распространились в фольклоре тувинцев в виде сказок. Это такие памятники, как «Арджи-Борджи», «Волшебный мертвец», «Сказки попугая», а также «Бигармиджид» и «Панчатантра» и многие другие, сюжеты которых получили широкое бытование в устной традиции тувинцев [Донгак 2010]. Рукописный фонд Научного архива Тувинского института гуманитарных исследований (РФ НА ТИГИ) наряду с ценными образцами эпических произведений, оригинальных сказок, записанных у выдающихся тувинских сказителей, располагает также довольно внушительным количеством сказок и текстов несказочной прозы, сюжеты которых так или иначе восходят к различным монгольским книжным произведениям, вошедшим в состав тувинского фольклора, главным образом благодаря буддизму и его комментаторской литературе, и получившим широкое бытование в устной традиции тувинцев. Очевидно, что среди заимствованных сказочных сюжетов есть также вариации различных *чойн-жунов*, *джатак*, *авадан* (по определению В. С. Дылыковой, буддийские нравоучительные истории, посвященные жизни и деятельности Будды Шакьямуни в его историческом и в многочисленных мифических прошлых рождениях [Дылыкова 1986: 80]), *намтаров* (жития или биографии выдающихся деятелей, учителей-проповедников буддизма) и других канонических сочинений. В частности, в данной статье хотелось бы обратить

внимание на отдельные образцы несказочной прозы тувинцев — легенды, предания и устные рассказы, основой которых могли послужить такие жанры монголо-тибетской историографической литературы, как *чойн-жун* (история буддизма), *лор-жус* (хроника, история), *намтар* (житие) и т. п. Известно, что легенды и предания о получении монголами буддийской религии широко бытовали и в монгольском фольклоре. Так, в Монголии многие события, связанные с распространением буддизма, происходили при заинтересованном участии представителей знати, и «наиболее крупные влиятельные князья Монголии — халхаский Абатай-хан, чахарский Лигдэн-хан, равно как и ойратские князья, почти одновременно приняли ламаизм и начали активно распространять его среди аратов. Для проповедей были приглашены из Тибета сотни лам...» [История Монгольской... 1983: 190].

Из вышеназванных представителей аристократии имя Абатай-хана знаменательно тем, что о нем сложено немало легенд и преданий. В одной из легенд, пересказанной в книге «Монгол аман зохиол», говорится, что «в 1586 году Абатай Сайн-хан привез из Тибета изображение Будды и построил первый буддийский монастырь Эрденэ зуу» [Сампилдэндэв 2006: 262]. Далее в легенде подробно излагается о том, как Абатай-хан стал поклоняться буддийской вере, привез из Тибета изображения божеств и построил первый монастырь и т. д. «*Причину того, почему Абатай-Сайн-хан принял желтую веру, объясняют тем, что у того во время охоты опухла нога, и когда он наступил на то место, где останавливались на ночлег двое приехавших в Монголию бродячих лам, то опухоль на ноге прошла. Так хан поверил в волшебную силу веры и отправился в очаг тибетской религии Баруун зуу. Но Далай-лама, ламы и божества все были напуганы появлением грозного монгольского хана. Далай-лама отправил навстречу хану пять своих рыжих собак, но они стали и сзади, и спереди прыгать и играть [с ханом]. Хан вошел в храм, где сидело множество лам, и чтобы выбрать ламу, которого взял бы с собой на родину, начал протыкать своим мечом каждого в печень. Все от страха вздрагивали, лишь один, сидевший самым последним, плохонького вида послушник, не вздрогнул. Из бурганов также не вздрогнул лишь Гомбо гур бурган, и тогда хан, положив его в подмышку, ушел...*» [Сампилдэндэв 2006: 262–263].

Естественно, как произведения эти устные легенды и рассказы являются весьма далекими от своих литературных оригиналов (если таковые были) и лишены всякого исторического значения. В то же время, наряду с элементами чудесного, сказочного начала, в них можно выявить вполне отчетливые следы реальных событий и даже узнать в персонажах образы исторических личностей.

Похожие легенды и устные рассказы мы обнаруживаем и в тувинском фольклоре. Так, например, в Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ) хранится запись устного рассказа, сюжет которого отдаленно перекликается с содержанием, композицией и внешними формальными признаками тибето-монгольских историко-летописных сочинений — чойн-жунов пера монгольских средневековых ученых-лам, описывающих историю появления и распространения буддизма в Индии, Тибете, Китае и Монголии. Характерным является также название текста — «Шарайин шажынның допчу төөгүзү» («История желтой религии — буддизма»)¹.

Содержание рассказа можно разделить на следующие сюжетные эпизоды:

1) повествование об истории возникновения и распространения учения Будды в Индии; в древнее время был *Бурган-баишкы*, он пребывал в прекрасной стране *Тываа-жан*, в которой не было зимы, и все было, словно шелк, вечнозеленым, и росла трава, вкусная, сладкая, как фрукт; узнав о том, как шесть видов живых существ в Нижнем мире испытывают ужасные страдания, Будда надел свою птичью одежду, в мгновение ока облетел вселенную и увидел гору *Сумбер-Була*, на вершине которой находились владения *Хорлу-Чырба* хана, богатству которого не было равных в мире; так Будда начал проповедовать свое учение, благословляя народ словом «*курай-курай*», ради счастья и благополучной жизни, как у *Хорлу-Чырба* хана; Будда воссел на трон, сделанный из драгоценности *сендимани*, и прочитал *ном* и передал людям шесть букв — *Ом, ма, ни, бат, ме, ком*; тот, кто много тысяч раз произнесет эти буквы, то в этой жизни

станет *бурганом*; так Будда прочитал много раз *ном*, который был понятен на всех языках, например, китаец слышит на китайском языке, а русский — на русском; Будда вместе с народом собрал мастеров-плотников и впервые начал строить *хүрээ-хиит*; построил *хүрээ-хиит* и начал в школе обучать религии мальчиков старше 8 лет; установил законы веры, согласно которым *лама* не пьет вина, не курит, не женится, и тот, кто сумеет соблюсти их, тот станет ламой с высшими обетами. Так он установил;

2) дается объяснение шести видов живых существ (люди, животные, птицы, насекомые, морские животные и живые существа, попавшие в ад); о том, как учение Будды в течение многих сотен лет распространялось; о том, как началась борьба с верой и как она пришла в упадок;

3) о том, как учение Будды из Индии пришло в Тибет; учением руководили Далай-лама и Банчын-Богда; они пришли согласно учению Будды; когда Далай-лама умирает, мудрецы той страны гадают и говорят: «в такой-то стране, такой-то человек родился», туда отправляются и приводят [его], и в возрасте 8 лет он станет Далай-ламой; Банчын-Богда тоже одинаково выявляют.

Последующая часть повествования представляет интерес в том плане, что она переносится на более позднее историческое время: в ней говорится о том, как буддизм пришел в Монголию, и её содержание перекликается с сюжетом вышеотмеченной монгольской легенды об Абатай-Сайн хане: «в *Калга* Монголии учение Будды появилось следующим образом... Говорят, в то время жена монгольского *Авыдай-Сайын* хана родила необыкновенно красивого сына. Далай-лама отправился туда, чтобы дать благословение и предсказание о жизни мальчика. Он сказал, что мальчик будет возглавлять большой монастырь, и посоветовал отцу, чтобы тот пригласил из *суу* ламу и *чудэн*. *Авыдай Сайын* хан отправился в *суу* и зашел в большой *дуган*, и, когда он, вытащив свой меч, направлял его на избращения *бурганов*, будто бы хочет нанести удар, то многие из них увертывались из-за страха. Когда замахнулся на одного *бургана*, тот не испугался, и хан взял его. Затем, когда замахнулся на сидящих в *хурале* лам, то они тоже отпрянули от страха. Только у одного ламы даже глаз не моргнул, и сердце не вздрогнуло. Когда хан сказал, что хочет взять его с собой, то тот лама сказал: „Не

¹ НА ТИГПИ: рукопись «Шарайин шажынның допчу төөгүзү» («Краткая история желтой религии — буддизма») состоит из 5 машинописных страниц; имя информанта, когда и кем записан текст, не указаны.

пойду!“. Того ламу привязали с помощью *аргамчы* и, водрузив на верблюда, привезли рано утром на родину.

Потом Авыдай-Сайын хан пригласил искусных китайских мастеров-плотников и построил большой монастырь. В только что построенный монастырь пожаловал и сам Далай-лама».

В последующем сюжетном эпизоде повествуется о том, как «Далай-лама, обходя кругом монастырь, среди играющих детей увидел пятилетнего мальчика, у которого была необыкновенная внешность, и он опознал в нем признаки *хуулгана*. Когда Далай-лама задал мальчику разные вопросы, то мальчик дал мудрые ответы на них. Так сын Авыдай-Сайын хана был признан Далай-ламой как первый Ондур-Богда и стал главой монастыря».

Примечательно то, что в легенде дается разъяснение о том, кто такой Богда бурган: он обладает даром предвидения, прорицателя; например, если вдруг с народом приключится беда в виде страшных болезней, эпидемий, то он [Богда бурган], заранее проделывая ритуал *сор*, может предотвратить их; из божественной обители своей посылает благословения народу на хорошую, благополучную жизнь, заранее. В легенде отражены также реалии из местной, монастырской жизни в Туве. Так, например, рассказчик в конце объясняет, что «в одном из самых крупных монастырей дореволюционной Тувы — Устуу-Хурээ ламы рано утром поднимались на крышу дугана и кричали, подражая реву верблюда, в знак того, что когда-то монгольский Авыдай-Сайын хан привез из Тибета изображения бургана в Монголию рано утром на верблюде».

Другим примечательным моментом в содержании рассказа является упоминание мотива о «появлении шести букв» (*мани*) — мантры «О, ма-ни-пад-ме-хум», которое дополнительно наводит на мысль о том, что первоисточником легенды, возможно, и были какие-то письменные источники. В частности, академик Ш. Бира отмечает, что Сумба-Хамба Кукунорский в своём «Чойн-чжуне» («Истории буддизма»), написанном в 1748 г., придерживался мнения о наиболее раннем возникновении буддизма в Монголии и по этому поводу делает на него (Сумба-хамба. — А. Д.) ссылку: «если следовать мнению большинства людей из У-цана о начале возникновения Святого Учения в Тибете лишь с появления шести букв (*мани*)

и одного шутэна, то ясно, что Святое Учение в Монголии появилось давно, ибо уже в период пятого царя из династии Великого Хана было найдено изображение Бурхана (Будды) среди монгольских трофейных имуществ» [Бира 1960: 27].

Общими в структуре тувинской легенды и летописей являются такие моменты, мотивы: 1) пришествие Будды; обоснование им Учения и монашеской общины — сангхи; продолжительность Учения; история царей-держателей Учения; 2) мотивы буддийской космологии и мифологии об установлении вселенной и ее построении, о периодах — так называемых кал-пах вообще, и о «хорошей кал-пе», когда появился Будда, в особенности, о жизни и деятельности будды и его ближайших последователей, об основании Буддой своего учения, о двух разновидностях буддизма: Тэг-чэн и Тэг-ман, т.е. Mahayana и Hinayana — «великая колесница» и «малая колесница», об истории фиксирования слов Будды в книгах (л. л. 1–46 тибетского ксилографа)» [Бира 1960: 24].

Судя по содержанию, здесь, возможно, отражено такое важное историческое событие, как строительство первого буддийского монастыря Монголии Эрдэнэ-дзу, построенного в 1586 г. под покровительством Абатай-хана [История Монгольской... 1983: 190]. Также в повествовании речь идет о такой личности, как Богдо Ундур-гэгэн, главе монастыря Их-Хурээ — крупном религиозном и политическом деятеле Монголии XVII в., которому Далай-Лама V в 1650 г. вручил титул первого Джебцун-Дамба-Хутухта. Ундур-гэгэн также известен в истории как выдающийся художник и скульптор Занабадзар, оставивший огромное художественное наследие [Буддизм 1992: 111]. О жизни и деятельности Ундур-гэгэна писали многие средневековые авторы, в том числе и Лувсанпрэнлэй, ученый-лама, ученик Далай-Ламы V, современник и соратник Ундур-гэгэна. В вышеупомянутом сочинении «Ясное зеркало», написанном в 1698–1702 гг., Лувсанпрэнлэй написал наиболее подробную и достоверную биографию Богдо Ундур-гэгэна [Бира 1960: 14–15].

Видимо, эта легенда имеет в Туве давнюю историю. Так, Ф. Я. Кон во время своего путешествия в Туву (1902–1903 гг.) написал две легенды о распространении буддийского учения на тувинской земле — «о Калгасском (здесь и далее в авторской ре-

дакции Ф. Кона. — А. Д.) хане Абатай-Сан» и о «Богда-Сангуа» (Цзонхава. — А. Д.) [Кон 2007: 374–378].

По свидетельству Ф. Я. Кона, «среди лам было много, правда, по-своему, образованных людей, многие из них прекрасно говорили по-тибетски, изучали тибетскую медицину и многие болезни лечили довольно успешно. От них я узнал много легенд о введении буддизма в Сойотию (Туве. — А. Д.) и многое о борьбе ламаизма с шаманизмом. Буддизм, по преданию, к сойотам перешел от калгас (монголов). Калгасский (по другому произношению: «халхасский») хан Абатай-Сан, очень могущественный в то время, когда „ном“ (священных буддийских книг) в его царстве еще не было, заболел. На ноге у него появилась язва, которую лечили, прикладывая к ране куски человеческого мяса, для чего каждый день убивали по одному человеку. Болезнь была затяжная, лечение продолжалось долго, много людей было убито, а хану не становилось лучше. Он все продолжал болеть». Далее повествуется о том, как «Далай-лама в виде старца пришел в страну халхасцев и предстал перед Абатай-Сан ханом и рассказал ему о той религии, от которой исходит большая сила, способная излечивать людей, и, когда старец прикоснулся к хану, тот выздоровел. Так хан решил ввести в своей стране „ном“ и отправился с 500 воинами в Тибет. Абатай-Сан, войдя в юрту Далай-ламы, поднес ему черный хадак в знак того, что он и его народ до сих пор погрязали в грехах. В ответ Далай-лама поднес ему хадак желтого цвета — цвета одежды ламы. С тех пор утвердился в Калгассии буддизм и оттуда уже перешел в Сойотию» [Кон 2007: 248–547; 374–377]. Интересно то, что в этой легенде также присутствует мотив о собаках Далай-ламы, известный из упомянутого выше монгольского варианта.

Что касается легенды о Богда-Сангуа, зафиксированной Ф. Коном, то её содержание таково: «Родился в стране Тарин или Ланза от матери-старушки. Когда у него отрезали пуповину, то из нее капнуло несколько капель крови на землю, и в этом месте выросло дерево „красный сандан“ („кызыл-сандан“), и на каждом листике этого дерева был изображен бурхан. Это поразило всех, и, как только мальчик подрос, его отправили учиться. Он оказался очень способным и вскоре превзошел познаниями всех своих учителей и сделался „бакша“ (в редак-

ции Ф. Кона. — А. Д.). Все прислушивались к каждому его слову, и он стал поучать. Проповеди его были посвящены преимущественно любви к ближнему. Много лет он так прожил вдали от старушки-матери. Стосковавшись, мать послала к нему человека с просьбой, чтобы он приехал к ней, но Богда-Сангуа не считал возможным оставить своих учеников и вместо себя послал матери письмо с нарисованным им же его портретом. Когда мать вскрыла письмо, портрет произнес: „авам“ (мама).

Перед своим вознесением на небо Богда-Сангуа назначил своего заместителя, затем сел на „шире [ширээ]“ — скамеечке. Его окружили ученики. На „шире“ спустилось облако, посыпались цветы... А когда облако рассеялось, „шире“ оказалось пустым, и лишь на полу остались цветы.

Богда-Сангуа приписывалось составление книг на тибетском языке, которые почитаются как бы Новым Заветом» [Кон 2007: 377–378]. Существует еще один вариант легенды — под названием «Моолдун төөгүзү» («История Монголии») [НА ТИГПИ: РФ. Т. 205. Д. 595а. Л. 365], главный персонаж которого тот же Сайн-Хан (видимо, один из вариантов имени Абатай-хана) и где также сохранился мотив об убиении им множества людей, чтобы вылечить свою больную ногу [Кунгаа 2016: 194–195].

Другой мотив — мотив о приставлении меча к какому-нибудь месту тела лам, когда он приехал в Тибет, чтобы заполучить учение (см. монгольский вариант. — А. Д.) Важным моментом в данном варианте является сообщение информанта, что эту легенду ему рассказал Ооржак Чамьян Торумбуу из Верхне-Чаданского хурээ [Кунгаа 2016: 195].

В заключение следует отметить, что сюжеты тувинских легенд и преданий и устных рассказов о появлении буддизма в Монголии и Туве позволяют полагать, что, возможно, их основой когда-то послужили тибето-монгольские исторические сочинения — чойн-жуны и другие летописи, поскольку в них, несмотря на наличие чудесного начала, описываются факты и события, известные из исторического времени. Также вероятным может быть и второй путь их проникновения в фольклор тувинцев — изустно, через монгольские устные переложения, пересказы этих сочинений.

Общей характерной особенностью рассмотренных текстов является то, что они носят синкретичный характер из-за смешения разных признаков, таких как: переплетение элементов реального и необыкновенного, размытость композиционной структуры, сходство сюжетных эпизодов и узнаваемость персонажей (в частности, Абатай-хана, Богда-Сангуа — Цзонхавы, знаменитого реформатора тибетского буддизма, основателя школы Гэлугпа, «монахов-желтошапочников»), намеки на достоверность и скудость художественно-изобразительных средств и т. п.

Словарь непереведенных слов

Аргамчы — аркан
Бурган — божество, будда
Бурган-баишкы — Будда Шакьямуни
Дуган — буддийский храм
Калга, Калгассия — Халх Монголия
Курай-курай! — у монголов и тувинцев слова, призывающие благополучие и счастье при совершении различных обрядов
Лама — лама, буддийский монах
Маани — мантра, слова буддийских заклинаний
Ном — букв. книга; буддийское учение
Ом-ма-ни-пад-ме-хум — буддийская мантра
Ходак — хадак, ритуальный шарф из шелка, преподносимый в знак уважения почетным гостям или при совершении различных обрядов
Хуулган — хувилган, перерожденец какого-нибудь высокопоставленного буддийского деятеля, проповедника
Хурал — молебен в буддийском храме
Хурээ-хиит — буддийский монастырь
Сендимани — (вариант: Чиндамани) драгоценность
Сумбер-Була — (вариант: Сумбер-Уула) в тувинской и буддийской мифологии, фольклоре мировая гора
Суу — зуу (монастырь)
Тываажан — в будд. космологии: одна из чистых земель
Хорлу-Чырба — в фольклоре название одной из стран
Чудэн — изображение божества; культовый предмет; монг. *шүтэн*.

Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ № 17-04-00231/17-ОГОН на тему «Тибето-монгольские средневековые литературные памятники в фольклоре тувинцев (исследование, тексты, перевод)». Руководитель проекта — А. С. Донгак.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

НА ТИГПИ — Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований [*Nauchnyy arkhiv Tuvinskogo instituta gumanitarnykh i prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniy* [Scientific Archive of Tuvan Institute for Humanities Research and Applied Socio-Economic Studies].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бира 1960 — *Бира Ш.* Монгольская тибето-язычная историческая литература (XVII–XIX вв.). Улан-Батор, 1960. 83 с. [Bira Sh. *Mongol'skaya tibetoyazychnaya istoricheskaya literatura (XVII-XIX vv.)* [Tibetan-language historical literature of Mongolia (17th–19th cc.)]. Ulaanbaatar, 1960. 83 p.]
- Бира 2001 — *Бира Ш.* Монголын түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа (Бүтээлийн эмхтгэл (Собрание трудов). Улаанбаатар, 2001. 528 х. [Bira Sh. *Mongolyn түүх, соёл, түүх бичлэгийн судалгаа (Byteeliyn emkhtgel)* [Studies on Mongolian history, culture and written sources (collected papers)]. Ulaanbaatar: International Association of Mongol Studies, 2001. 528 p.]
- Буддизм 1992 — Буддизм. Словарь / Аббаева Л. Л., Андросов В. П., Бакаева Э. П. и др. М.: Республика, 1992. 287 с. [A dictionary of Buddhism. Abaeva L. L., Androsov V. P., Bakaeva E. P. et al. (comp.). Moscow: Respublika, 1992. 287 p.]
- Донгак 2010 — *Донгак А. С.* Индо-тибето-монгольская «обрамленная повесть» в тувинской сказочной традиции. Абакан: Журналист, 2010. 178 с. [Dongak A. S. *Indo-tibeto-mongol'skaya «obramlennaya povest'» v tuvinskoy skazochnoy traditsii* [Indo-Tibetan-Mongolian 'framed novels' in the Tuvan fairy-tale tradition]. Abakan: Zhurnalist, 2010. 178 p.]
- Дылыкова 1986 — *Дылыкова В. С.* Тибетская литература. М.: Наука, 1986. 240 с. [Dylykova V. S. *Tibetskaya literatura* [Tibetan literature]. Moscow: Nauka, 1986. 240 p.]
- История Монгольской ... 1983 — История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1983. 660 с. [*Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki. Izd. 3-e, pererab. i dop.* [History of the Mongolian People's Republic. 3rd ed., rev. and suppl.]. Moscow: Nauka, 1983. 660 p.]
- История Тувы 2014 — История Тувы. Том I. Изд. 2-е, перераб. и доп. Кызыл: Тываполиграф,

2014. 368 с. [*Istoriya Tuvy. Tom I. Izd. 2-e, pererab. i dop.* [History of Tuva. Vol. 1. 2nd ed., rev. and suppl.]. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2014. 368 p.]
- Кон 2007 — Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай Тыва дептер. Том IV. Сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. 550 с. [Kon F. Ya. The expedition to Soyotia. *Uryankhay Tyva depter*. Vol. IV. S. K. Shoygu (comp.). Moscow: Slovo, 2007. 550 p.]
- Кунгаа 2016 — Кунгаа М. Б. Тувинские народные легенды и предания о ламах // Буддизм в третьем тысячелетии: тенденции и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Кызыл, 7–9 сентября 2016 г.). Том I. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2016. С. 192–195. [Kungaa M. B. Tuvan folk tales and legends about Lamas (Buddhist priests). *Buddizm v tret'em tysyacheletii: tendentsii i perspektivy razvitiya. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kyzyl, 7–9 sentyabrya 2016 g.)*. Kyzyl: Tuvan State Univ., 2016. Vol. I. Pp. 192–195].
- Маннай-оол 2004 — Маннай-оол М. Х. Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с. [Mannay-ool M. Kh. *Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie etnosa* [The Tuvans: origins and formation of the ethnos]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 166 p.]
- Монгуш 2001 — Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука. 2001. 199 с. [*Istoriya buddizma v Tuve* [A history of Buddhism in Tuva]. Novosibirsk: Nauka. 2001. 199 p.]
- Сампилдэндэв 2006 — Сампилдэндэв Х., Гаадамба Ш. Монгол аман зохиол. Улаанбаатар, 2006. 399 х. [Sampildendev Kh., Gaadamba Sh. *Mongol aman zokhiol* [Mongolian oral literature]. Ulaanbaatar, 2006. 399 p.]

УДК 398.2+294.3

Легенды и устные рассказы об истории распространения буддизма в тувинском фольклоре

Антонина Саар-ооловна Донгак¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, сектор монголоведения, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: tigpi.tuva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются легенды и устные рассказы, в сюжетах которых отражается история распространения буддизма в Монголии и Туве. По мнению автора, они основаны на таких жанрах средневековой тибето-монгольской традиционной историографической литературы, как чойн-жун (история буддизма), лор-жус (хроника), намтар (житие) и т. п. Сделан вывод о том, что различные тексты, в том числе и произведения жанра чойн-жун, составленные средневековыми монгольскими учеными-ламами, распространились в Туве как легенды и устные рассказы.

Ключевые слова: тувинский фольклор, легенды, предания, устные рассказы, история буддизма, монгольская средневековая историографическая литература, жанры, чойн-жун (история буддизма), лор-жус (хроника, история), намтар (житие), монгольский фольклор, параллели, схожие сюжеты и мотивы